

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ «НЕГАТИВНОГО НАСЛЕДИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛАГЕРНЫХ МУЗЕЕВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Статья посвящена возникновению и формированию единственного в России музея на территории бывшего концентрационного лагеря системы ГУЛАГ – Мемориального комплекса истории политических репрессий в деревне Кучино Пермского края, более известного как «Пермь-36». Рассматриваются условия возникновения лагерных музеев в Пермском крае и конфликты вокруг этого музея до смены его руководства в 2013 г.

Ключевые слова: мемориальный музей; память; репрессии; ГУЛАГ; Пермь-36; СССР.

Во второй половине XX в. многие исследователи обратили внимание на то, что понятие «культурное наследие» является довольно неоднородным и может иметь как позитивный, так и негативный смысл. И если опыт работы с «позитивным» наследием существовал уже давно, то «негативное» наследие поставило вопрос о том, как с ним работать в музеях, а также как его представлять и о нем говорить. Сам термин «негативное наследие» (Negative Heritage) впервые ввела в оборот антрополог Линн Меселл в 2002 г. [1]. В статье «Негативное наследие и освоение прошлого в археологии» она охарактеризовала его как «конфликтное место, которое становится хранилищем отрицательный памяти в коллективном воображении» [Там же. С. 558]. До этого учеными в основном использовался термин «противоречивое наследие» (Dissonant Heritage), предложенный в работе Джона Е. Танбриджа и Грэгори Дж. Ашворт в 1994 г. [2. С. 299]. Следует упомянуть и вышедшую в 2015 г. книгу Сары Мосез «Стигматизированное пространство: негативное наследие в исторической консервации» [3. С. 154], в которой она подробно рассматривает проблематику негативного наследия, преимущественно на примерах работы с темой рабства в музеях США. В связи с развитием подобных идей встал вопрос о том, как показывать это «негативное наследие» в музеях, рассказывать истории, связанные с негативным социальным опытом, касающимся прежде всего войн, тоталитарных режимов, рабства, геноцидов и других социальных катастроф. Военные музеи существовали уже с начала XX в., однако в них выставляли оружие и солдатскую форму, не затрагивая тему того, как война влияет на жизни отдельных людей. Впервые выставки, показывающие не военные победы, а влияние войн на жизнь мирного населения, появились в Imperial War Museum в Лондоне [4].

В данной статье нас интересуют музеи, возникшие на местах бывших концентрационных лагерей. В Европе они стали появляться почти сразу после Второй мировой войны. Их главной задачей было сохранение бывших нацистских лагерей на территории Германии и Польши, чтобы, показывая их будущим поколениям, не допустить повторения тех событий. Однако сегодня только самые крупные бывшие лагеря и гетто музеефицированы или на их местах расположены мемориалы. В начале 2000-х гг. на базе Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне под руководством Джорджа Мегаржи был запущен проект «Энциклопедия лагерей и гетто», в котором нам удалось найти

информацию о 42 500 местах, где происходили массовые убийства евреев и представителей других народов во время Второй мировой войны [5. С. 327]. Однако в подавляющем большинстве мест присутствуют лишь небольшие мемориальные камни с короткой информацией, а в некоторых отсутствует и она.

Первым мемориальным музеем стал лагерь Аушвиц-Биркенау, открывшийся как музей уже в 1947 г.; в 1979 г. он был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В апреле 1946 г. Министерство культуры и искусств Польши (Ministerstwo Kultury i Sztuki – MKiS) собрало группу бывших заключенных, при поддержке которых удалось превратить бывшую территорию лагеря в музей. Его торжественное открытие состоялось 14 июня 1947 г., в нем приняли участие десятки тысяч людей, в основном бывших заключенных и их родственников, а также делегации из многих польских и еврейских общин и политических организаций. 2 июля польский парламент принял закон, подтверждающий существование музея; в нем указано, что «территория бывшего нацистского концлагеря Аушвиц-Биркенау вместе со всеми зданиями и оборудованием, обнаруженными там, должна охраняться как место страдания польского и других народов» [6]. С 1950-х до конца 1970-х гг. большинство основных бывших нацистских лагерей – Бухенвальд, Дахау, Берген-Бельзен, Миттельбау-Дора, Хелмно, Белжец, Црвени Крст и т.д. – стали музеями, прежде всего благодаря требованиям бывших узников, выживших в них в 1940-е гг.

В СССР идеи создания мемориальных музеев, посвященных памяти жертв системы ГУЛАГ, стали возникать в конце 1980-х гг., когда о преступлениях сталинизма заговорили после более чем тридцатилетнего молчания. Помимо «инициатив снизу», в 1990-х гг. группой французских историков была написана «Черная книга коммунизма», описывающая преступления коммунистических режимов по всему миру, прежде всего в СССР; она также послужила росту интереса к данной теме. Однако лагеря ГУЛАГа во многом отличались от лагерей нацистской Германии: если не считать урановых лагерей в Восточной Сибири и больших лагерей вокруг угольных шахт, почти все они строились из дерева и изначально планировались как временные [7. С. 216]. Обычный лагерь для заключенных, работающих на лесоповале, существовал около 2–3 лет, после чего узников перевозили на другое место. Именно этим объясняется тот факт, что в России практически нет музеев, посвященных сталин-

ским репрессиям, которые бы находились в местах концентрации и использования труда заключенных. Сегодня музеи существуют на месте бывшей следственной тюрьмы НКВД в Томске, в монастырских строениях в Соловецком заповеднике со специальной экспозицией в одном из бараков, в бывшем здании управления НКВД в Йошкар-Оле; частично тема репрессий упоминается в музее истории Бутырской тюрьмы в Москве. И существует только один музей, находящийся на территории бывшего лагеря ВС-389/36 (ИТК-36) – «Мемориальный музей истории политических репрессий» в деревне Кучино Пермского края, более известный как «Пермь-36». Он находится на территории бывшего лагеря ГУЛАГа, основанного в 1946 г. (изначально ИТК № 6 была основана в 1942 г. на станции Селянка, на другой стороне реки Чусовая, но до 1946 г. несколько раз меняла местоположение) [8. С. 218–225]. Проблематика создания данного уникального мемориального музея нас и интересует.

Говоря о Пермском kraе, нельзя не отметить, что сегодня там находятся три музейные экспозиции на территории бывших лагерей, но только «Пермь-36» можно считать полноценным музеем. Так, на территории бывшего лагеря ИТК-35, который и сейчас является колонией строгого режима (находится в семидесяти километрах от деревни Кучино), сделана небольшая экспозиция – о ней речь пойдет ниже, – однако из-за того, что колония действующая, туда крайне тяжело попасть. Третье место – это территория бывшего лагеря «Створ» около реки Чусовая между поселком Усть-Койва и городом Чусовой, существовавшего с 1942 г.; даже после смерти Сталина и массовых амнистий и реабилитаций он до 1962 г. оставался «политической» зоной, а после до 1972 г. был преобразован в самостоятельную колонию № 33 [9. С. 17]. После закрытия одноименного поселка в 1975 г. до этого места можно добраться лишь по реке. От самого лагеря практически ничего не осталось, поэтому пермский «Мемориал» создал в 2007 г. на его месте так называемый музей без гида [Там же. С. 15], куда может прийти любой желающий.

Одним из самых важных фактов, который стоит отметить в связи с возникновением «Мемориального музея истории политических репрессий» («Пермь-36»), является сам замысел создания такого музея. Письменных источников о нем нет, однако в интервью, которое дал мне 3 мая 2016 г. создатель музея, историк Виктор Александрович Шмыров, он рассказал, что впервые идея создания музея в бывшем политическом лагере возникла весной 1992 г. не у будущих сотрудников музея «Пермь-36», а у начальника Пермского областного УВД генерал-майора Валерия Ивановича Федорова, ставшего начальником колонии в 1991 г. Массовая амнистия 1987 г. не коснулась заключенных, сидевших за антисоветскую агитацию – они были переведены из пермских и мордовских лагерей в колонию «Пермь-35» (ВС 389/35) в поселке Центральный Пермской области. Лагерь «Пермь-35» стал широко известен в мире как последний действующий советский лагерь; его посетило большое количество зарубежных журналистов, стремившихся побывать в нем до того, как он будет расформирован.

Лагерь действовал, он был переведен в разряд общеголовных лагерей, однако в нем выгородили небольшую территорию, где несколько последних «додидчиков» оставались до февраля 1992 г. – все они были осуждены по статье «измена родине».

В. И. Федоров обратился в пермский «Мемориал» с предложением создать там музей – тогда у него появилась бы возможность пускать в колонию иностранных журналистов. К тому же в 1992 г. пермский «Мемориал» решил провести конференцию с участием бывших политзаключенных и историков, приуроченную к двадцатилетию прибытия первых политзаключенных в Пермскую область (с 2005 г. Пермский край) в 1972 г.; конференция была проведена в ИТК-35. В ее ходе ранее сидевший скульптор Рудольф Борисович Веденеев отлил Мемориальную доску и создал в двух комнатах ИТК-35 небольшую музейную экспозицию.

Помимо этого, участники конференции в 1992 г. посетили другие два лагеря: заброшенные ИТК-36 и ИТК-37. В ходе осмотра стало очевидно, что постройки ИТК-36 отличаются от остальных – сохранившиеся бараки не были похожи на бараки для заключенных, доставленных в Пермскую область в 1960–1970-е гг. Отличался и штрафной изолятор – у него не было типичной для таких строений «кормушки» в двери. Особенно участников конференции поразил полуразрушенный барак особого режима, лагерная тюрьма – заключенные месяцами не выходили из него на улицу; местом прогулки служило маленькое помещение с сеткой из колючей проволоки вместо потолка. В тот момент у участников конференции и возникло предположение, что лагерь здесь появился еще во времена ГУЛАГа, но в 1950-е гг. он был не заброшен, а переоборудован в колонию для политических заключенных, просуществовавшую до конца 1980-х гг. Тогда же прозвучали первые идеи его консервации и музеефикации.

Историки В.А. Шмыров и его жена Татьяна Георгиевна Курсина два года работали в пермских архивах, чтобы понять, что находилось на месте колонии. Архивные документы подтвердили, что там действительно был лагерь ГУЛАГа. К тому же благодаря сведениям «Мемориала» и архивным документам удалось установить, что лагеря системы ГУЛАГ нигде целиком не сохранились: «Пермь-36» оказался единственным местом, где можно было реставрировать и музеефицировать постройки. Конечно, части лагерных строений можно найти на местах бывших лагерей на Колыме, Чукотке и в других удаленных от каких-либо населенных пунктов местах¹, однако из-за отсутствия дорог и сурового климата музеефикация таких мест не представляется возможной.

Чтобы защитить лагерь от разрушения и жителей окрестных деревень, которые постепенно растаскивали лагерные постройки, были наняты два сторожа; местная власть Чусового района была об этом предупреждена. Важно отметить, что одним из сторожей стал Иван Кукушкин, бывший охранник ИТЛ-36, работавший там с 1976 г. вплоть до закрытия лагеря². Чтобы запустить реставрацию барака особого режима – решено было начинать именно с него; понадоби-

лись идеи бизнес-проекта. Так как для реставрации построек была необходима древесина, то оптимальным решением стали лесозаготовки.

Первые деньги на реставрацию лагеря одолжил писатель Леонид Абрамович Юзефович, пожертвовавший на это один из своих писательских гонораров. На них были закуплены бензопилы и другое основное оборудование. Виктор Шмыров и Татьяна Курсина наняли бригаду из местных жителей, заготовили пиломатериалы, весной их продали (сумев вернуть долг Л. Юзефовичу) и запустили проект реставрации. В 1995 г. музей принял первых посетителей. За четырнадцать лет реставрации лагеря не было закуплено ни одной доски, а лесозаготовки продолжались вплоть до 2008 г. Реставрация бараков и административных зданий в основном производилась силами рабочих и волонтеров, но под наблюдением профессиональных реставраторов Пермской области. Итого было отремонтировано и восстановлено 23 постройки [10].

С 1997 г. музей стал получать гранты от зарубежных благотворительных фондов; кроме того, при содействии губернатора Пермской области (с 2005 г. Пермского края) Геннадия Вячеславовича Игумнова Законодательное собрание утвердило целевую программу «Мемориальный музей истории политических репрессий (Пермь-36)» на 1998–2000 гг. и далее, а с 1998 г. финансирование музея предусматривалось законом о бюджете Пермского края [8. С. 224]. Сначала властям не был интересен проект музея в деревне Кучино, однако по мере того, как проект развивался, а популярность музея росла и среди россиян, и среди иностранцев, губернаторы края выделяли все больше субсидий на его развитие. В 2004 г. сотрудниками Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS) была признана уникальность «Перми-36» как памятника эпохи ГУЛАГа, они предложили инициировать его включение в список всемирного наследия ЮНЕСКО; музей также был включен в список 100 памятников World Monuments Watch [10]. Особенную большую помощь окказал музею губернатор Олег Анатольевич Чиркунов, занимавший свой пост с 2004 по 2012 г. При нем в рамках проходившей тогда пермской «культурной революции» обсуждались планы развития нового музеиного комплекса, который должно было проектировать бюро Ralph Appelbaum Associates.

В 2011–2013 гг. «Мемориальный музей истории политических репрессий» был включен в проект Федеральной программы увековечения памяти жертв политических репрессий при президентском Совете по развитию гражданского общества и правам человека в качестве одного из трех национальных мемориально-музейных центров, наряду с музеями, которые должны были быть созданы в здании бывшей Военной коллегии Верховного суда СССР в Москве и на территории Левашовской пустоши в Санкт-Петербурге [Там же].

Одной из главных проблем создания музея стала его удаленность от крупных населенных пунктов: до того, как была построена новая трасса Пермь–Чусовой, дорога до бывшего лагеря из Перми занимала почти шесть часов в один конец. Однако главная и

до сих пор не решенная проблема заключается в том, что нацистские лагеря никто не пытался оправдать (в Германии это преследуется по закону [11]), в то время как в России до сих пор ведутся споры о том, насколько лагеря системы ГУЛАГ были необходимы и какую роль они сыграли в победе СССР во Второй мировой войне [12. С. 3–8], а также о роли исправительных лагерей, существовавших в СССР в 1960–1980-е гг. Из-за этого вокруг музея неоднократно возникали конфликты с пермскими коммунистами. Например, в ответ на создание мемориального комплекса «Пермь-36» и предложенной там «встречной истории», в конце 1990-х гг. были предприняты усилия по созданию мемориала на месте бывшего исправительного лагеря – уже упомянутой колонии ВС-389/35. Это была инициатива Владимира Кирилловича Кургузова, бывшего надзирателя и ветерана уголовно-исполнительных органов. 9 мая 1998 г., в День Победы, он открыл в поселке Центральном общественный музей ФГУ ИК-35. Цель и направленность его экспозиции диаметрально противоположны тому представлению истории, какое отличает мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36». Выставка Кургузова повествует об истории уголовно-исполнительных учреждений и лагерного распорядка с точки зрения лагерного персонала и сотрудников государственной исполнительной системы. Заключенные рассматриваются в этой перспективе в первую очередь как преступники, независимо от статьи, по которой они были осуждены [13. С. 14]. До 2008 г. музей находился в старом здании бывшего детского сада, однако позднее он был расширен и сегодня занимает пять комнат в жилом доме: первая посвящена социальному-бытовой жизни сотрудников, вторая – истории организации исправительных учреждений в Чусовом районе Пермского края, третья рассказывает о жизни местных лагерных пунктов во время Великой Отечественной войны, в четвертой находится выставка «Обеспечение охраны и надзора сотрудниками ИТК и военнослужащими внутренних войск МВД СССР в/ч 6658», пятая показывает современную жизнь колонии и поселка Центральный [14].

Несмотря на то что «Пермь-36» по структуре музея является аналогом мемориальных музеев на местах бывших концлагерей нацистской Германии, подходы и условия его создания были совершенно иными. В Европе большинство бывших лагерей было восстановлено и музеефицировано на средства министерств культуры Германии, Польши и других стран, где располагались концентрационные лагеря [15], в то время как в России это были частные инициативы. Даже после выделения Пермским краем финансирования в 1996 г. для развития «Перми-36» приходилось привлекать большое количество иностранных спонсоров: выделенных средств не хватало на восстановление бывших построек [8]. Кроме того, история создания музея «Пермь-36» отличается от европейского опыта составом участников его восстановления. Несмотря на то что его создателями были историки Виктор Шмыров и Татьяна Курсина, идея создания музея на территории бывшего лагеря появилась у начальника колонии ИТК-35, а его охранником много лет работал

бывший надзиратель ИТК-36 – случай уникальный, немыслимый при работе с нацистскими лагерями. «Мемориальный музей истории политических репрессий» существует более двадцати лет, однако сегодня «Пермь-36» часто упоминается в связи с насилиственной сменой руководства, осуществленной в 2013 г. усилиями нового губернатора Пермского края Виктора Федоровича Басаргина, и с конфликтами, которые разворачиваются вокруг музея в последние годы [16]. Все это еще раз подчеркивает, что

главной проблемой российского общества по-прежнему остаются разные «памяти». Эта раздробленность прошлого в памяти очевидна и в музейных экспозициях, посвященных репрессиям. Эксперт Совета Европы Михаил Борисович Гнедовский считает, что «этот распределенный аналитический процесс, пока довольно стихийный и беспомощный, будет продолжаться еще долго. Он складывается из частного музейного и, отчасти, историографического опыта» [17. С. 368].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сотрудники музея истории ГУЛАГа в Москве проводили в 2014–2015 гг. экспедиции к таким местам, видеоматериалы можно посмотреть на их канале URL: <https://www.youtube.com/user/museumgulag/videos> (дата обращения: 22.04.2017).

² Бывший охранник ИТК-36 Иван Кукушкин работал сторожем музея «Пермь-36» вплоть до смены руководства в 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meskell L. Negative Heritage and Past Mastering in Archaeology // Anthropological Quarterly. 2002. Vol. 75, № 3.
2. Tunbridge J.E., Ashworth G.J. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict. Chichester, Sussex, England: John Wiley & Sons Ltd., 1994. 299 p.
3. Moses S. Stigmatized Space: Negative Heritage in Historic Preservation (Masters Thesis). University of Pennsylvania, Philadelphia, PA., 2015. 154 p.
4. Bardgett S. The Imperial War Museum and the history of War. URL:<http://www.history.ac.uk/makinghistory/resources/articles/IWM.html> (дата обращения: 7.04.2017).
5. Ямпольский М. Пространственная история. Три текста об истории. СПб. : Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013.
6. Auschwitz. History of the Memorial URL:<http://auschwitz.org/en/museum/history-of-the-memorial/> (дата обращения: 10.04.2017).
7. Эпплаум Э. ГУЛАГ. М. : CORPUS, 2015.
8. Обухов Л.А. История колонии, ставшей музеем. Труды Томского областного краеведческого музея // Том XVI. Материалы научно-практической конференции «Шатиловские чтения 2009» (15–17 июня 2009 г.). Томск, 2009.
9. Латыпов Р. Место памяти Створ. ГУЛАГ в Российской памяти // Сборник статей участников российско-германской исследовательской группы в Пермском крае. Пермь, 2011 С. 17. URL: <http://www.pmem.ru/index.php?id=282> (дата обращения: 25.03.2017).
10. Шмыров В. Пермь-36: Реабилитация репрессий. URL: <http://zvzda.ru/columns/5269ae370167> (дата обращения: 15.03.2017).
11. Strafgesetzbuch – StGB § 86a. Verwenden von Kennzeichen verfassungswidriger Organisationen URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_86a.html (дата обращения: 20.04.2017).
12. Эйдельман Т. Была ли сталинская политика «эффективной»? Скандалы вокруг новых учебников по истории России. Культура. Россия – анализ культуры. М., 2008. С. 3–8.
13. Путиц М. «Воспоминания и память в Пермском крае». ГУЛАГ в Российской памяти // Сборник статей участников российско-германской исследовательской группы в Пермском крае. Пермь, 2011. С. 14. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=246> (дата обращения: 25.03.2017).
14. Тарасова К. Тюремные музеи. Хранители истории. URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/52833> (дата обращения: 17.04.2017).
15. Auswitz. Sources of the Memorial's financing. URL: http://70.auschwitz.org/index.php?option=com_content&view=article&id=80&Itemid=173&lang=en (дата обращения 19.04.2017).
16. Гизен А. Расколотая память: отражение конфликта вокруг «Мемориального комплекса «Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3. С. 363–376.
17. Гнедовский М. Страдание как экспонат, или Музеи строгого режима // История сталинизма, Принудительный труд в СССР: экономика, политика, память : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. / отв. ред.: Л.И. Бородкин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

MEMORIALIZATION OF THE “NEGATIVE HERITAGE” IN MODERN RUSSIA ON THE BASIS OF THE CAMP MUSEUMS IN PERM KRAI

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 183–187.

DOI: 10.17223/15617793/428/24

Vladislav S. Staf, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: stafvlad@gmail.com

Keywords: memorial museum; memory studies; repressions; Gulag; Perm-36; USSR.

The article is devoted to the emergence and formation of museums at the sites of the former camps of the Gulag system, primarily about the Memorial Complex of the History of Political Repressions in Kuchino (Perm Krai) better known as Perm-36. The conditions of its emergence and conflicts around the museum are considered, up to the change of its leadership in 2013. Based on the experience with negative heritage in Europe and America and on the works of Lynn Mesell, John E. Tunbridge and Gregory J. Ashworth, the article shows the peculiarities of working with such a heritage in Russia by the example of Perm Krai, where sites of the former concentration camps were preserved. The sites of former Nazi concentration camps in Germany and Poland began to open as museums and memorials as early as the end of the 1940s, whereas in Russia work with the legacy of the Gulag began only after the collapse of the USSR. In the post-Soviet Russia the camps of the Gulag are practically not preserved, since most of them were ruined from time, and the surviving buildings are usually very far from any settlements, especially in the remote areas of northern Siberia. This gives the camp in the village of Kuchino a special value. The main emphasis is on the role played by former prisoners, guards and historians in the formation of the museum. The article raises the problem that different participants of those events remember the past differently, which leads to disputes and conflicts. Thus, in response to the establishment of the memorial complex Perm-36 in 1994 and the story about political repressions suggested there, in the late 1990s, efforts were made to establish a museum on the site

of the former correctional camp VS-389/35 in the settlement of Tsentralny. On May 9, 1998, a museum of the Federal State Institution Correctional Facility No. 35 (FGU IK-35) was opened there. Its exhibition tells the story of the penitentiary institutions and the camp schedule from the point of view of camp staff and employees of the state executive system. In this perspective, prisoners are considered primarily as criminals, regardless of the article on which they were convicted. Despite the fact that Perm-36 in its structure is an analogue of memorial museums on the sites of the former concentration camps of Nazi Germany, the approaches and conditions for its establishment were completely different. In Europe, most of the former camps were restored and transformed into museums at the expense of the Ministries of Culture of Germany, Poland and other countries where the concentration camps were located, while in Russia these were private grassroots initiatives. In addition, the history of the museum Perm-36 differs from the European experience by the composition of the participants in its restoration. Despite the fact that its creators were historians Viktor Shmyrov and Tatyana Kursina, the idea of creating a museum on the territory of the former camp belonged to the head of Correctional Labor Facility No. 35, and for many years the former guard of Correctional Labor Facility No. 36 worked as his guard, which is a unique case, unthinkable when working with Nazi camps.

REFERENCES

1. Meskell, L. (2002) Negative Heritage and Past Mastering in Archaeology. *Anthropological Quarterly*. 75:3.
2. Tunbridge, J.E. & Ashworth, G.J. (1994) *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester, Sussex, England: John Wiley & Sons Ltd.
3. Moses, S. (2015) *Stigmatized Space: Negative Heritage in Historic Preservation*. Masters Thesis. University of Pennsylvania, Philadelphia, PA.
4. Bardgett, S. (n.d.) *The Imperial War Museum and the history of War*. [Online] Available from: <http://www.history.ac.uk/makinghistory/resources/articles/IWM.html>. (Accessed: 7th April 2017).
5. Yampol'skiy, M. (2013) *Prostranstvennaya istoriya. Tri teksta ob istorii* [Spatial history. Three texts about the history]. St. Petersburg: Knizhnye masterskie; Masterskaya "Seans".
6. Auschwitz.org. (n.d.) *Auschwitz. History of the Memorial*. [Online] Available from: <http://auschwitz.org/en/museum/history-of-the-memorial/>. (Accessed: 10th April 2017).
7. Applebaum, E. (2015) *GULAG*. Translated from English. Moscow: CORPUS.
8. Obukhov, L.A. (2009) Istorya kolonii, stavshiy muzeem [The history of a colony which became a museum]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. XVI. Tomsk.
9. Latypov, R. (2011) *Mesto pamyati Stvor. GULAG v Rossiyskoy pamyati* [Place of memory Stvor. Gulag in the Russian memory]. [Online] Available from: <http://www.pmem.ru/index.php?id=282> (Accessed: 25th March 2017).
10. Shmyrov, V. (2016) *Perm'-36: Reabilitatsiya repressiy* [Perm-36: Rehabilitation of repression]. [Online] Available from: <http://zvzda.ru/columns/5269ae370167>. (Accessed: 15th March 2017).
11. Strafgesetzbuch – StGB § 86a. (n.d.) *Verwenden von Kennzeichen verfassungswidriger Organisationen* [Using marks of unconstitutional organizations]. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_86a.html. (Accessed: 20th April 2017).
12. Edel'man, T. (2008) *Byla li stalinskaya politika "effektivnoy"? Skandaly vokrug novykh uchebnikov po istorii Rossii. Kul'tura. Rossiya – analiz kul'tury* [Was Stalin's policy "effective"? Scandals around new textbooks on the history of Russia. Culture. Russia – the analysis of culture]. Moscow.
13. Putts, M. (2011) *"Vospominaniya i pamyat' v Permskom krae"*. *GULAG v Rossiyskoy pamyati* ["Memories and memory in Perm Krai". Gulag in the Russian memory]. [Online] Available from: <http://pmem.ru/index.php?id=246> (Accessed: 25th March 2017).
14. Tarasova, K. (2012) *Tyuremnye muzei. Khraniteli istorii* [Prison museums. Keepers of history]. [Online] Available from: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/52833>. (Accessed: 17th April 2017).
15. Auschwitz.org. (n.d.) Auswitz. Sources of the Memorial's financing. [Online] Available from: http://70.auschwitz.org/index.php?option=com_content&view=article&id=80&Itemid=173&lang=en. (Accessed 19th April 2017).
16. Giesen, A. (2015) *Raskolotaya pamyat': otrazhenie konflikta vokrug "Memorial'nogo kompleksa "Perm'-36" v rossiyskikh media* [The Shattered Memory: Reflecting the Conflict around the "Perm-36 Memorial Complex" in Russian Media]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 3. pp. 363–376.
17. Gnedovskiy, M. (2013) [Suffering as an exhibit, or Museums of the strict regime]. *Istoriya stalinizma, Prinuditel'nyy trud v SSSR: ekonomika, politika, pamyat'* [History of Stalinism, Forced labor in the USSR: economy, policy, memory]. Proceedings of the international conference. Moscow. 28–29 October 2011. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEEN); Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina". (In Russian).

Received: 10 February 2018